

WARHAMMER
40,000

BLOOD ANGELS

THE SECOND OMNIBUS

'War-torn tales of loyalty and honour.' – SFX

JAMES SWALLOW

Линия крови.

Джеймс Сваллоу.

В стенах усыпальницы время не имело значения.

В ней не было ни окон, сквозь которые можно было видеть, как дни и ночи проходят над далёкими

горами Чаши и великими красными пустынями Ваала, ни движения восковых свечей, ни часов — лишь

стук сердец Астартес. Вечный и неизменный свет, неяркий и маслянистый, падал из лютофонарей на

каменных стенах. Он отбрасывал нечёткие тени на фигуры, которые двигались по залу,

переговариваясь тихими и напряжёнными голосами.

В усыпальнице пахло металлом и ржавчиной, словно токрой медью: за тысячелетия здесь пролились

столь много крови, что запах проник в сами камни. В центре зала был императорный стол, чей белый

камень порозовел от животворной
жидкости всех, кто истекал на нём
кровью. И теперь на столе лежал

Кровавый Ангел, лишённый боевого
снаряжения и одетый лишь в тонкие
хлопковые одеяния. Чёрные

цепи из закалённого железа и кольца
наручников удерживали его на месте, ибо
столь сильны были

судороги Ангела, что без них он бы уже
слопал собственные конечности, пока
рвался и метался в

агонии; и всё же воин лежал не во сне,
не в сознании, но пребывал в некоем
бессонном небытии, что

не являлось ни бодрствованием, ни комой.
Лишь боль чувствовал этот воин, чьи
вопли приглушал

кожаный кляп в потрескавшихся губах.

Сквозь голоса Сангвинарных Жрецов и лязг
цепей сдавленные крики Ангела находили
отклик далеко

наверху, за спиральными коридорами
поднимающегося возвышающегося над

головой минарета. До

усыпальницы доносились вопли и
легенящие душу выкрики тех несчастных,
что топились в кельях, которые никогда
не позволят открыть.

Этим местом была Башня Заблудших,
Башня Аларео. Сюда Кровавые Ангелы
приводили страдающих

родичей, которые уже не могли
справиться с кошмарными генетическими
проклятиями Чёрного Гнева

и Красной Жажды. Тёмное наследие давнего
погибшего примарха Сангвиния, Гнев и
Жажда таились в

сердце каждого сына Ваала — и они могли
обрести смысл лишь в битве, в последней
службе Роты

Смерти.

Но были те, кто зашёл по алому пути так
далеко, что даже почётной смерти не
было достаточно. Башня

была их тюрьмой, их убежищем, их
чистилищем.

И теперь над этой бездной завис ещё один

Ангел.

Корбүло, глава Кровавого Жречества, наблюдал, как его братья кружат вокруг тела на траторном

столе, снимая показания предсказательных устройств и следя за работой медицинских сервиторов.

Ощутив его испытующий взгляд, брат Салил, один из Сангвинарных Жрецов, отделился от группы и приблизился к Корбүло.

- Господин, - жрец чуть склонил голову и поклонился.

- Лорд Данте хочет знать, есть ли изменения в его состоянии, - без лишних слов перешел к сути

Корбүло.

Салил трачно кивнул:

- Есть, и не к лучшему. Эта... -- он замолчал, подыскивая нужные слова, - эта патология становится

сильнее с каждым часом. Признаюсь, что при всём старании мы не сможем замедлить процесс, а тем

более обратить его вспять...

- Должен же быть способ, - верховный жрец
утолк, видя, как Салил слабо качает
головой.

- Милорг, в нём заключено подобие
дистиллята сверхновой. Оно поглощает
его, выжигает изнутри, -

Ангел вздохнул. -- Ни один смертный
никогда не был предназначен сосу́дом для
такого величия. Это
необратимо.

- Тогда отдай его мне, - раздался новый
голос, печальный и звучный, полный старой
боли.

Корбуло обернулся, чтобы увидеть, как из
тени выступает Астартес - Кровавый
Ангел в чёрной как

ночь рясе капеллана. На ней звенели
стальные почётные цепи, к которым
прикована книга

катехизисов, а на поясе висел эбеновый
скипетр, который оканчивался крылатой
золотой чашей -- то

был Кровавый Крозиус, символ звания

Хранителя Заблудших и Стража Роты
Смерти. Брат Лемартес
пристально смотрел на Корбуло из-под
капюшона, его искажённое, истощённое
лицо напотинало

венчавший доспех Хранителя череп --
маску смерти. Лемартес был одним из
немногих людей, которые

за всю историю ордена пали в объятия
гено-проклятья и выжили -- многие
говорили, что брат до сих

пор живёт в тени Чёрного Гнева, но так
сильна его воля, что он борется день и
ночь. Поэтому Лемартес

вполне мог вести Роту Смерти в бой
вновь и вновь. Салил сделал шаг назад, не
желая стоять слишком

близко к словно покрытой пепелом ауре
капеллана.

Мгновение брат Корбуло изучал
Лемартеса и ощутил странный порыв
жалости к нему. «Какая это, должно быть,
боль, - подумал жрец, - вести измученных
родичей на верную смерть и каждый раз

оставаться единственным выжившим».

Капеллан протянул руку.

- Отдай его мне. В кельях наверху он найдёт свой покой.

Корбүло покачал головой, оторвавшись от мыслей.

- Нет. Нет, брат, пока нет.

- Тогда зачем было вообще приводить его в эту башню? -- рявкнул капеллан, оскалив клыки. Он

протолкнулся к трапезному столу мимо Сангвинарных Жрецов. -- Взгляни на него, Корбүло, отпусти

его! Это будет добрым поступком.

- Это будет напрасной тратой! -- возразил Верховный жрец. -- Ты понимаешь, через что он прошёл, чтобы вернуть нам кровь? В скольких сражался битвах, сколько было потеряно жизней?

Лемартес свирепно посмотрел на Корбүло и заговорил тихим шёпотом.

- Что я понимаю, так это то, что ничего этого бы не потребовалось, если бы не неудача Кровавого

Жречества! -- он погался вперёд. - Брат
Цек был одним из вас. И его спесь открыла
наш дом силам

Хаоса! -- Капеллан буквально выплюнул
последнее слово. -- Корбуло, ты в ответе за
Красный Грааль. Ты

позволил врагам украсть частицу святой
крови нашего притарха, - Ангел ткнул
пальцем в воина в

цепях, - и ты навлёк на него это!

Корбуло не сказал ничего. В словах
Стража была проклятая доля ненавистной
истины. Лежащий перед

ними Кровавый Ангел отправился на
поиски, чтобы вернуть пузырёк
драгоценной животворящей влаги

Сангвиния, которую десять тысяч лет
хранили живой, -- и он сделал это, вырвав
её из хватки

самозванного прародителя восьмеричного
пути, предателя Фабия Байла. Но в ходе
поиска воителю

пришлось найти единственное безопасное
место, в котором он смог бы защитить

священную

жидкость: он впрыснул её в собственный
кровавой поток.

И теперь кровь убивала Ангела.
Могущественная эссенция была слишком
сильна даже для улучшенной

физиологии Агентус Астартес. Воин едва
добрался домой до крепости-монастыря на
Баале, прежде

чем слёз в судорогах лихорадки.
Мучительная мощь уничтожала Ангела,
поглощала его кровь и

преображала её, наделяя невероятной,
стертоносной силой.

- Рафен, - нараспев произнёс имя воина
Лемартес. -- Он силен, но этого
недостаточно. Скоро его

поглотят Гнев и Жажда, и Рафен не
вернётся. Мы должны позволить этому
процессу идти своим
чередом.

- Я верю, что он сможет выжить! -- жрец
настаивал на своём. -- Все мы Кровавые
Ангелы и сыны

Сангвиния. В каждом из нас течёт
толика крови примарха, дарованной во
время нашего возвышения
до Астартес...

- Толика, - повторил капеллан. -- Вот
именно! Лишь капля, и её достаточно,
чтобы преобразить человека

в ангела войны! Но Рафен получил в
миллион раз более мощную дозу! Он не
переживёт этого.

- Значит, мы должны её забрать, - сказал
Корбүло, бросив взгляд на Салила. -- Мы
очистим Рафена от

того, с чем он так упорно борется, чтобы
прійти в себя.

- Ты... имеешь в виду использовать
саркофаг? -- спросил жрец, чьё лицо
посуровело. -- Разве такое
возможно?

Лемартес покачал головой.

- Глупо даже думать об этом. Будь здесь
Асторат, Рафен уже бы обрёл покой под
лезвием его топора...

- Но Верховного Капеллана здесь нет! --

возразил Корбүло. — Долг үвёл его далеко
от Ваала, и поэтому
решить вопрос должны мы.

Лемартес скрестил руки на груди.

- И что же скажет лорд Данте?

- Он одобрит любой путь, который
приведёт нас обратно к равновесию. -

Верховный жрец посмотрел на
напряжённое, измученное лицо Рафена и
попытался представить

страшную боль от струящегося по венам
божественного огня. Он не мог позволить
этому воину сгинуть: Лемартес резанул по
животу, и Корбүло чувствовал настоящий
стыд. Он не смог защитить святую кровь
и допустил, чтобы ее похитил Фабий. И
Корбүло не позволит ордену заплатить за
свою ошибку жизнью
ещё одного родича.

- Отнесите брата Рафена в Зал
Саркофагов, - приказал верховный жрец. --
Найдите 'Прикосновение

Багряного Рассвета' и поместите его
внутрь.

Нахмурившись, Лемартес отошёл от
стола и позволил сервиторам забрать
корчащееся тело Кровавого

Ангела.

- Это лишь проглотит его страдания,
сделает смерть в два раза мучительней.

Жрец, где же твоё

милосердие?

Корбуло посмотрел Хранителю
Заблудших в глаза.

- Капеллан, сегодня никто не умрёт. Я не
позволю.

Великий зал был странной стесью хосписов
и скульптурного сада. Усеянный резными
камнями, которые

венчались огромными похожими на сферы
изваяниями из золота и меди, Зал
Саркофагов пульсировал, словно живое
существо. Ряды толстых проводов и
акведукров змеились от одного шара к
другому, а

другие трубки собирались в гроздь, что
исчезали среди решёток железных плит
пола. Над головой

системы жизнеобеспечения нарастали и свисали с украшенных серебристых стоек и входили в щели на верху каждой сферы.

Здесь тоже пахло кровью и камнем, но почему-то здесь запах был не таким резким, как в башне. Там он означал смерть, а здесь -- новую жизнь, возрождение.

Многие из золотых сфер были заняты, и с каждой заботился неусыпный слуга, который постоянно

трудился, регулируя потоки генетически активных фильтров и состояние питательных трубок. Корбуло

остотрел ближайший саркофаг, он хорошо его знал. То было 'Белое Солнце Ангела', один из старейших

саркофагов в распоряжении ордена, который выковали десять тысячелетий назад во времена Великого

крестового похода до Ереси Гора. 'Белое Солнце Ангела', как и все сферы вокруг, было шедевром

машиностроения, столь продвинутым, что даже техногесантники под руководством брата Цнкараила не могли полностью постигнуть тонкости его работы. Это было произведение искусства в той же степени, что и устройство для воссоздания людей. В каждой из действующих сфер лежал кандидат, погруженный в аниотическую жидкость, изменители и катализаторы, содержащиеся в ней,

трудились над генетической структурой, перестраивая в теле клетку за клеткой. В сочетании с

мощными технологиями имплантации, используемыми Агентус Астармес, эти механизмы могли

даровать обычному человеку величие Кровавого Ангела.

Кандидат, который вошел в саркофаг мертвым, однажды выйдет из него воином Сангвиния --

конечно, если не умрет в процессе

изменения.

Некоторые Кровавые Ангелы, когда их не ждали обязанности и не звала битва, приходили в Зал

Саркофагов и дремали внутри тех самых сфер, в которых их некогда оживили. Многие, в том числе и

сам Корбүло, верили, что подобными периодическими возвращениями в утробу своего возрождения, проводя время в единении с кровавыми фильтрами, можно очистить душу и отсрочить возможный

приход Гнева и Жажды. Устройства могли не только менять людей, но и исцелять их.

Верховный жрец надеялся, что они смогут спасти жизнь брата Рафена.

Корбүло шагал среди сфер, пока не нашёл 'Прикосновение Багряного Рассвета' -- прекрасный

экземпляр самых благородных саркофагов, сделанный из белого золота и платины, отделанный медью

и отполированный, словно стекло. Как и

Белое Солнце Ангела', он был создан в дни
до Ереси и с тех

пор всё время служил ордену, любовно
опекаемый легионами илотов и кровавых
сервиторов. Легенды

гласили, что 'Прикосновение' был одним из
нескольких саркофагов, которые были на
борту кораблей

флота Кровавых Ангелов во время битв
самого Великого Крестового Похода.

Салил надзирал за слугами: они
поместили Рафена внутрь, и
приготовления почти завершились.

Каналы эксангвинаторов и проводников
жизнительной влаги были закреплены в
плоти Ангела,

кровавые насосы наполнены и готовы к
работе.

Верховный Сангвинарный Жрец провёл
руками по открытой створке сферы.

Внутри на поверхности

саркофага были выгравированы

бесчисленные линии крошечных слов на

Высоком Готике, каждое

было именован братом, которого здесь
оживляли. Корбуло просмотрел свиток
чести и в конце нашел имя

Рафена.

Верховный жрец кивнул и поднял взор -- и
увидел, что на него смотрит Рафен,
который смотрел

остысленно впервые за многие дни. (мб чей
взгляд был остысленнен...?)

- Брат-сержант...?

Рафен схватил его за руку.

- Я вижу... -- прошептал Ангел, -- вижу...
его.

- И он направит тебя, - сказал жрец, давая
Салилу сигнал закрывать саркофаг, - к
жизни... Или куда-то
ещё.

Глаза Рафена закатились, а его рука
обвисла, когда сфера захлопнулась, словно
цветок. Корбуло

услышал бульканье втекающих внутрь
жидкостей и треск металла, когда
давление резко изменилось.

Салил отвернулся.

- Что теперь?

Прикосновение Багряного Рассвета
мерцал, словно драгоценный камень.

- Мы будем ждать, - сказал Корбуло, - и
позволим линии крови сделать своё дело.

Они вышли из зала, и никто из жрецов и
не подумал посмотреть на галерею
наверху: мысли об этом

были изъяты из их разумов и отброшены
прочь. Там стояла одна фигура, невидимая
ни им, ни кому-то

другому, наполовину скрытая в тени, и
наблюдала. Сверхъестественная аура
делала его призраком, а

именно этого смотрящий и хотел.

Мефистон, Повелитель Смерти,
Библиарий и главный псайкер ордена
Кровавых Ангелов, склонился с

балкона и всмотрелся внутрь саркофага
Рафена, прислушался к суматохе разума
внутри.

И увидел платя, и боль, и цвета чистой
тучи. Руки псайкера словно когти впились
в каменную

балюстраду галереи так, что костяшки
побелели. Психический след Рафена
танцевал, словно

застывший огонёк в урагане, вечно на
границе угасания, но сопротивляющийся из
всех сил. Мефистон

встретил свой разум глубже в лабиринт
ощущений, чувствуя мысли Рафена.

Ангел был заперт в сугорогах кошмарного
лихорадочного сна, сводящего с ума
прилива боли, который

воплотился в палящем зное и угушливой
пыли. Мефистон мог ощутить личность
воина, прикоснуться к

её отзвуку. Он лицезрел долю того, что
увидел сам Рафен: нереальный, кошмарный
пейзаж ужаса и

разрушения. Он увидел поле брани,
заваленное высокими холмами из
выпотрошенных трупов, что

отмывали озёра свеженролитой крови.

Узьян. Мефистон понял, что это могла
быть лишь сила гено-проклятья. Внутри
каждого Кровавого

Ангела таилаась тьма, которой кровь
притарха даровала ужасную свободу. Её
сила ошелотила

псайкера, и воспоминания всплыли на
поверхность, угрожая осквернить чистоту
теленатической связи

-- память об улье Aug и собственном
путешествии к безумию Гнева.

Мрачный Мефистон убрал незримые
щупальца психической силы из
беспокойного разума младшего

воина. Сейчас он ничем не мог ему помочь.

Обрывая последнюю связь, библиарий
увидел в кипящем разуме Рафена ещё один
образ --

отстранённой крылатой фигуры, что
была облачена в величественный золотой
доспех и наблюдала

издалека. Сугила его.

- В укрытие!

Брат-сержант Кассил услышал
разнёсшийся по посадочному отсеку
звездолёта 'Термия' крик и

отскочил за опорный столб как раз тогда,

когда сквозь атмосферный щит пронёсся
алый

'Бүревестник' и рүхнүл на палубу. От
удара по стальной палубе под ногами
пошла дрожь. Ангел

вздрогнул, когда отсек наполнился
растущим воем: переднее шасси корабля
слопалось, и он, прорезая в палубе борозду,
скользил на волне жёлтых искр. Гордая
крылатая слеза крови на

дытившемся носу была покрыта
царапинами.

'Бүревестник' затеделился и наконец-то
затер, чтобы миг спустя вокруг
засуетились десятки слуг

легиона, тащивших баллоны
огнетүшителей. Кассиил безмолвно
выругался по-ваалитски и

направился к повреждённому кораблю. Он
видел, как за 'Бүревестником' подобно
огромному зрачку

закрывается главный шлюз: кусок зелёной
планеты исчез из виду. Больше сержант не
увидит мир

по имени Нартаба Октус, больше его не
увидит ни один человек. Последние
немногочисленные

десантные корабли заходили на борт, пока
'Тертия' поднималась на высокую боевую
орбиту.

Оттуда оперативная группа 'Изгис' и
Кровавые Ангелы на борту завершат свою
работу. Приказы

ясны, подписаны самим Сангвинием и
креплены печатью Магистра Войны Горы
Луперкала.

Все выжившие из научной колонии на
Октусе эвакуированы, а заразивших
планету ксеносам, орде

тёмных эльдар, что нарушила
абсолютную чистоту поверхности,
покажут неудовольствие Терры

залпом лазерных батарей флотилии из
костоса по поверхности.

Чужаки-грабители сражались яростно и с
великим упорством. Кассиал уже встречал
их брата во

время Великого Крестового Похода и

карал их, но, похоже, что ксеносы не усвоили урок

Императора. И когда они здесь закончат, на Нартабе Октус навечно останутся шрамы войны -

предупреждение всем, кто бросает вызов Повелителю Человечества и его Сынам.

Но сейчас внимания сержанта требовали более срочные дела. Добравшись до люка 'Буревестника'

он открыл его и протянул руку, чтобы помочь брату выбраться из полного дыма корабля. Его лицо

было знакомо Кассилу.

- Сарга? Ты ранен?

Воин покачал головой.

- Нет, Кассил. Но у нас раненый... Потом вороватые ублюдки повредили корабль гранатом... Мы еле

добрались сюда целыми.

Сержант махнул рукой медицинскому персоналу, чтобы тот поднёс поближе медицинские ящики, когда

из корабля вышел второй Астартес.

несущий третьего на плече. Раненный
Кровавый Ангел носил
бело-красный госпех апотекария, но
кератит был забрызган тёмной
артериальной жидкостью и
она была ещё свежей.

Кассиус увидел причину раны и едва не
отшатнулся от омерзения. Из дыры в
пояснице силового

госпеха торчало нечто, что напоминало
кристалл или, может, лёд. Внутри
осколка мерцал

мерзкий, тошнотворный свет, отбрасывая
зловещие отблески на бледное лицо.

- Он ухаживал за гражданским, - пояснил
Сарга, чей голос был полон гнева. - Один из
желтоглазых

ублюдков выстрелил в спину. Я убил его,
но Мерос уже падал...

Кассиус подался вперёд.

- Мерос? Брат Мерос, ты меня слышишь?

Глаза Кровавого Ангела затекались, и он
пробормотал что-то неразборчивое.

- Мерос один пробился через отделение

налетчиков, - говорил Сарга, - и наверно
думал, что
прикончил всех.

- Он ещё не мёртв, - возразил сержант,
хотя мертвенная белизна Мероса ставила
под сомнение его

слова. Кассиус положил его на носилки и
направился к лазарету на этой палубе.
Глаза Ангела вновь

притянул стеклянистый осколок в бок
аптекаря. Кассиус знал, что это такое:
искатель душ.

Дротик был снарядом осколочной пушки
эльдар, отравленным обычными
средствами, но в двойне

смертоносным из-за некой психической
начинки. Поговаривали, что выделяемый
токсин не только

уничтожает плоть, но и разлагает саму
душу.

Кассиус, как и любой подданный светского
Императора, уделял мало внимания таким
судебам, как

и любой эфемерной духовности, но он уже

видел действие искателя душ, видел, как
яг разрушает

Астартес изнутри... и часть сержанта
задумывалась, действительно ли это
оружие сначала

убивало сущность человека, а лишь потом
плоть.

Рядом шёл трачный Сарга.

- Он умрёт.

- Нет, - покачал головой Кассиус. -- Ещё
есть время обеспечить выживание брата.
Мы очисти́м его.

- Как ты собираешься это сделать? --
потребовал ответа Ангел. -- Любая
попытка вытащить
снаряд расколёт его...

- Возможно, есть другой путь, - сказал
сержант.

Было странно видеть их в стальных
стенах корпуса 'Термии', в отсеке под
лазаретом звездолёта.

Сам вид великих золотых скульптур,
лежащих здесь, на плитах палубы, был в
чём-то неправильным, словно содержимое

знакомой комнатой перевернули и поменяли местами.

Морщины на потрёпанном лице Сарги стали глубже.

- Саркофаги...

Кассиал приказал слуге направить гравиносилки к ближайшей капсуле.

- На борту корабля по приказу магистрального легиона Ралдорна. Несколько были распределены по

флотилиям, чтобы служить как центры срочной помощи для смертельно раненых.

Ангел покосился на него.

- Рану, которая смертельна для Астартес, не вылечишь ничем.

- Увидим, - Кассиал следил, как слуги помещают Мероса в ближайшую из сфер.

- Я не могу позволить этому произойти просто так, - продолжил Сарга. -- Осколок в боку... в нём

порча чуждого колдовства! Что, если она перекинется на саркофаг? Мы не сможем знать, к каким

последствиям приведёт психическая

скверна...

Пристальный взгляд сержанта заставил его утолкнуть.

- Колдовство? Это лишь штатт яга, действительно заразный, но не более того. Тут нет магии.

Он будет устранён, - Кассиус дал илотам знак закрывать лепестки сферы. -- Тёмные эльдары

забирали жизни наших братьев на земле этого несчастного мира. Но теперь не заберут ещё

одного, и я буду отстаивать своё решение даже перед Магистром Войны, если он сочтёт нужным

его оспорить!

Рафен был погребён в песке. Частички состояли из истолчённой кости и металлических стружек, блестевших красным в лучительном свете набухшей адской звезды. Медленными, разтеренными движениями он выбрался из липкой массы, песок сыпался с Ангела, скапливаясь в щелях снаряжения.

Рядом Рафен нашёл болт-пистолет и ценной меч, оба были ржавыми и изношенными. Он задумался, переживёт ли оружие спуск курка. Клинок покрылся впадинами и потрескался.

Кровавый Ангел подался вперёд, чтобы страхнуть остатки песка, и пошатнулся. Успех был инертным, а

на плечах Рафен чувствовал весь вес кератита и стали. Со всех сторон накатывали мерцающие волны

жара, а капельки пота выступали на лбу.

Рафен скривился: каждое движение казалось колоссальным усилием. Ангел чувствовал непривычную

слабость, словно из него вытягивали энергию. Он сжал зубы и выпрямился.

Сержант пошёл по пустынному полю битвы вдоль рядов дюн навстречу резким порывам ветра, что нес

облака колючего песка. Рафен переставлял ноги одну за другой, двигался словно автоматон. Он

оставил позади груды тел и потоки крови,

брегя в пыли и жаре, ища что-нибудь.
Когда же Кровавый
Ангел решился оглянуться, то не увидел
ничего, кроме песка и... песка.
Затуманенным взором он разглядел
отблески яркого света на золотом
госпехе... или это был какой-то
тираж?

Нет. Фигура всё ещё была здесь, оставаясь
недосыгаемой, насмехаясь над ним своим
молчанием.

Вызывая Ангела подойти поближе.

Рафен отвернулся, пытаясь разобраться в
ситуации. Он не помнил, как появился в
этом больном

безжизненном месте, и не представлял,
где он, или какая цель привела его сюда.
Ангел остановился, и

на миг потерял из виду золотой силуэт,
когда вокруг закружили покровы красной
пыли. Он глубоко

всконнул, проталкиваясь сквозь свои мысли,
пытаясь вытащить истину.

Что я могу вспомнить последним?

Размышлял Рафен, нахмурив покрытый
потом лоб.

Он вспоминал путешествие обратно из
системы Диникас на борту звездолёта
'Тихо', как дни проходили

в пустошах варп-пространства.
Вспоминал предшествующую битву на
планете, казнь врага и
возвращение...

Вспоминал кровь и сосуд. Рафен
инстинктивно протянул руку и провёл по
груди туда, куда вонзил иглу
инъектора.

Он вспоминал...

...сосуд, святая кровь из самого Красного
Грааля, не фильтрованная и мощная,
поколениями жрецов

удерживаемая живой на протяжении
тысячелетий, текла по его венам...

...золото и платя, молния и солнце, такого
он не испытывал никогда...

...страх, что сияние его уничтожит...

...какая совершенная смерть...

Рафен задохнулся и задрожал. В нём текла кровь Сангвиния, заключённая в ней психическая мощь

жгла словно атомное пламя. Его тело не могло вместить так много, для него это было слишком. Он был

погобен Укару из древних терранских легенд, что слишком сильно приблизился к солнцу и горел, горел...

- Это... это место смерти? -- закричал Ангел, чьи слова унёс воющий ветер. -- Я... наказан за свою...

спесь?

Рафен понял, что ему тяжело дышать.

И словно в ответ песок превратился в чудовищ.

Красный песок сгустился в тварей, цветом и обликом подобных костогесантикам, но дылчатые, туманные тела не могли удержать точные детали дольше секунды.

И всё Рафен достаточно ясно

увидел, чем они должны были быть.

Внешне это были Кровавые Ангелы, но в чудовищах не было ни следа того

благородного ордена, который ходил под
светом Императора. Эти искажённые
фантомы были частично пародией,
частично

настешкой, громогласными неуклюжими
тварями, что подражали величию Сынов
Сангвиния сквозь

призму ужаса. Перевернутые кричащие
аквилы украшали доспехи, кровь сочилась
из сочленений, а

глаза сверкали красным на клыкастых
стеющихся масках. Книжки бессмысленных
стихов и бормочущие

черепашки свисали с концов покрытых
шипами почётных цепей. Призрачные
Астарес были абстракциями, пародиями,
которые слепил из песка безумный
художник.

Они напали на него, пронзительно хохоча.

Рафен выстрелил из старого болтера, и
тот закаркал, выплёвывая снаряды в
порывах клубящейся

ржавчины, но хотя болты находили цель,
они не причиняли вреда. Место каждого

удара становилось

брызгали песка, фантомы теряли
цельность, и крошащиеся масс-реактивные
снаряды проходили

сквозь них без всякого взрыва.

Рыча и чувствуя головокружение от боли
и изматывающего жара, Кровавый Ангел
потянулся к

сломанному мечу и встретил натиск
призраков-Астартес, размахивая вверх-
вниз для стертельного

удара, который пустит кровь любому
врагу. Меч бил, Рафен чувствовал это, но
вдоль ржавого клинка

песочные тела поддавались, и удары
проходили безвредно. С тем же успехом
Ангел мог использовать

рапиру из дыта.

Но, к его испугу, ответные удары никак
нельзя было назвать такими же.
Фантомы изменили свою

массу, сгустив песок почти до плотности
скалы, за долю секунды до того, как с
размаху ударили в

челюсть Рафена. Он отшатнулся, и второй, а затем и третий твёрдый как гранит удар врезался в его грудь.

Сержант спиной рухнул на гребень дюны, когда чудовища набросились вновь: и теперь лица призраков

не скрывали шлемы. Каждый раз Рафен видел, как на него скалится собственное искажённое

отражение, образ терзал и грозил, словно плохо настроенный видеопроектор.

Ангел ринулся вперёд, к телу одного из фантомов-Астартес. И вновь дух взорвался потоком песчинок

прежде, чем Рафен успел вцепиться в его горло руками. Песок впился в обнажённую кожу шеи и лица, забивая ноздри и рот, пытаясь задушить. Ангел замолотил вокруг, словно человек, пытающийся отогнать рой шершней.

А затем Рафен услышал выстрелы, внезапный тяжёлый грохот болтера, услышал, как рядом с

шипением пролетают снаряды. Песок
ослабил напор, отхлынул волной и
сформировался вновь, когда
кто-то пересёк ближайшую дюну и начал
спускаться по гребню.

Рафен увидел другого Кровавого Ангела —
цельного и ясно видного, окутанного
таревою жара, но явно
не одного из его фантомов.

Новоприбывший позволил оружию
соскользнуть на перевязь и выхватил
ценной топор с обломанными
зубьями. Клинок сыпал искрами и
забивался, но зубцы все ещё вращались, и
Ангел начал быстро

рубить призрачных Астартес. Меч
Рафена проходил сквозь них словно сквозь
воздух, но оружие

другого воина било в цель и с воел
рассекало месиво вязкого праха и песка.

Несколько секунд спустя гротески уже
развевались по ветру, растворялись, пока
от них ничего не
осталось.

Рафен слабо кивнул.

- Я... благодарю тебя, брат.

Теперь он увидел куда яснее: второй Кровавый Ангел носил бело-алый доспех аптекаря, хотя цвета роты и символы подразделения были странными -- нет, не неправильными, но в чём-то незнакомыми.

Облачение было почтенного дизайна, старой модели Марк IV Максимус, которую теперь применяли

лишь немногие орден. Рафен встретился взглядом с аптекарем и увидел те же вопросы в его глазах.

- Ты ранен? -- спросил Ангел, убирая пилотонор. Аптекарь прихрамывал, отметил Рафен, берёг бок, и

только тут он заметил рубцы от глубокой раны в животе. Но воин хорошо скрывал боль. У него было

сильное лицо и глаза, которые казались слишком молодыми.

- Нет... -- начал Рафен. -- да, возможно, - он потряс головой, и мир вокруг расплылся, -

Жар...

- Да, жар, - согласился аптекарий, и этого было достаточно. Он огляделся, подозрительно косясь на текучие пески. - Эти... твари. Что это было?

- Я не знаю, - признался Ангел. - Моё оружие было бесполезно.

- Значит, нам повезло, что моё -- нет, - раздался ответ. Аптекарий смог слабо улыбнуться. - Брат, я так

рад, что нашёл тебя. Пробудившись здесь, я какое-то время боялся, что сошёл с ума.

- Возможно, что мы оба сошли, - трачно произнёс Рафен. - Скажи, как ты сюда попал?

- Я... -- лицо аптекаря затерло, когда его охватило холодное понимание. - Я... не знаю.

- А что ты помнишь последним?

- Битва... - аптекарий говорил тихим, напряжённым голосом. - Ксеносы, - его рука опустилась к ране в

животе. - Они дали мне это... потом

тьма.

Прежде, чем Рафен успел сказать что-то ещё, другим воин увидел что-то за его плечом и указал. Уже

оборачиваясь, Рафен знал, что это будет наблюдающий за ними золотой образ.

Он стоял на страже, казался ближе, хотя и не двигался, и был чуть лучше различим в разрывах тяжду

проносящимися потоками песка. Золотой доспех, неподвижная маска, согнутые серебристые крылья.

Он наблюдал.

- Ты это видишь? -- спросил Рафен.

- Да. Что это? -- прошептал аптекарий.

Пески были и царапали лица, заставляя отвести взор, а когда поток праха затер, фигура исчезла.

А там, где она только что стояла, вдали в дымке проступал силуэт. Остроконечная гора, невероятно

высокая и выточенная ветром из камня, красного, словно пролитая кровь.

- Знамение, - сказал Ангел. -- Цель.

Они шли вместе, бок о бок сквозь воющий каскад песчаной бури, далёкая башня из камня была

единственным ориентиром в безликой пустыне. Чем бы ни было это место, прагматизм Мероса не

дрогнул. Раз гора -- единственный бросающийся в глаза объект местности, то они пойдут туда. В этом

была уверенность, логика, которую аптекарий чувствовал верной. Но брат Мерос не смог бы чётко

сформулировать то, как узнал, что там что-то есть.

Странно, но всё округ казалось нереальным, далёким от истины -- и всё же аптекарий точно ощущал, как при каждом шаге скользит раскалённый песок, как оккулобы уплотняются, чтобы защитить глаза от

мощной радиации огромного красного солнца, чувствовал безжалостный жар на лице. Всё это

выглядело очень реальным.

«Если бы я просто видел сон, - подумал Мерос, - то может быть и смог отличить истину от изр разума...»

Но Астартес не видел снов, потому что не спали так, как это понимает обычный человек.

Имплантированные в мозг каталептические узлы позволяли Меросу и его родичам отдыхать без сна, быть вечно бдительными и идти даже тогда, когда разум отдыхал. И поэтому ему не на что было

опереться, чтобы понять текущую ситуацию.

Он покосился на устало плетущегося рядом Кровавого Ангела. Знамение, сказал он. Странно слышать

это из уст Астартес слова, от которых пахнет старыми суевериями и идолопоклонничеством. И другие

мелочи были неправильными: странные пропорции доспеха, покрытого орнаментом и выполненного с

большим вниманием к деталям, и полосы

пергамента, исписанного словами, которые

Мерос не мог

прочесть. Вдобавок, лицо Ангела было
незнакомым.

Само по себе это не было необычным -- в
IX Легионе Астартес числилось более
ста тысяч воинов на

службе Великого Сангвиния, и Мерос не
мог знать каждого -- но его тревожило
нечто в темноволосом

воине. Слово просто было не на своём
месте.

Да и сам Мерос был по сути выброшен,
потерян в непроторённой ничейной земле
без понимания того, как он здесь оказался.

Рука аптекаря скользнула к ране.
Память о погружении осколка в кишки
была

ещё свежей, и аптекарь вздрогнул. По
всему телу прошла болезненная дрожь, и
Мерос жадно

вдохнул сухой воздух.

Он вновь покосился на второго воина,
пытаясь оторваться от призрачной боли.

- Я... ещё не спросил твоего имени.

- Я Рафен, - раздался ответ. -- Из Пятой Роты брата-капитана Сендини.

- К.. кого? -- выгавил аптекарий, чьи ноги словно обратились в свинец, и запнулся. Утя не говорило ему

ничего. И командир пятой... Ум был...

- Брат, ты в порядке? -- Рафен внимательно на него посмотрел.

Мерос начал дрожать, по коже пошли мурашки. Неприятное покалывающее ощущение окутало руки, обжигая кожу будто кислотой. Дрожащий аптекарий схватил латную перчатку и наруч, соединил

крепления и уронил их на песок.

Обнажённая рука была ярко-красной, вены вздулись, а плоть искривилась. Не в силах остановиться

Мерос вцепился в оголённую кожу, и развевающиеся на ветру ленты эпидермиса оторвались. Он

закричал, когда заражённая ткань ещё нагала, разлетаясь по песку. Невероятно,

чем больше аптекарий

сдирал, тем больше появлялось.

Разложившиеся ленты кожи танцевали в воздухе, а затем, к ужасу Мероса, начали разворачиваться.

Искусные мозаики оторванной плоти трескались и делились, переплетаясь в тонкие как нить полосы, которые затем вновь сходились в непристойные образы: длинные гуманоидные очертания, продолговатые конечности и узкие, эльфийские черепа.

- Грабители! -- закричал Мерос. -- Это... их отрава!

Спутанные нити кожи парили и танцевали, а затем набросились на аптекаря, хлеща его, словно вихрь покрытых шипами кнута.

При виде этого Рафен отшатнулся, срывая рукой с пояса ржавый болт-пистолет, и отскочил, чтобы

держаться на расстоянии от движений странных порождений плоти. Облик и танец были знакомы

Ангелу -- откуда-то он знал, что эти призраки по происхождению были тёмными эльдарами, в размытых лицах вспыхивала и исчезала ненависть жестоких чужаков. Они казались ожившими потоками ткани, возможно гирляндами или бинтами, извивающимися и изворачивающимися, чтобы казалось, что под

ними тело, хотя там не было ничего.

Что бы ни оживило этих тварей, оно вызывало отвращение у Кровавого Ангела. Но-крайней мере в

этом новый товарищ был прав -- даже сквозь густую пыль Рафен чуждый привкус яда, окутывающего

гибких чудовищ. Они были токсичными кошмарами, кружились в гротескном балете.

Существа-эльдар осыпали аптекаря градом ударов -- быстрых как молния и непрерывных. Тот пытался

отбиваться проржавевшим ценным топором, но с каждым взмахом жужжащее

лезвие рассекало лишь

воздух, ибо ленты расступались на его пути.

Рафен забыл о болт-пистолете и выхватил сломанный меч. Он не знал происхождения другого воина, но не мог же просто стоять и ничего не делать.

- Прочь, демон! -- закричал Ангел, бросаясь в кружащийся ураган хлещущих лент. -- Узыди или встретить свою погибель!

Ржавый меч вздымался и опускался, и каждый раз удары Рафена рассекали кожу, хотя тупое лезвие

пилотопора бы не попало в цель. Ему казалось, что он слышит в ветре доносившиеся откуда-то издалека вопли.

Разгневанные и ужасные обрывки содранной плоти закружились в воздухе, переплетаясь, словно

попав в воронку урагана, а затем исчезли в непрерывном гуде песчаной бури.

Антекарий припал на колени и тяжело

дышал. Его лицо было подобно лабиринту
глубоких порезов, а

открытая рука казалась кровоточащей
культёй. Ангел посмотрел вверх.

- Рафен, - прохрипел он, - брат, благодарю
тебя.

- Брат?

Теперь, когда миз атаки закончился так
же быстро, как и начался, стяжение

Рафена превратилось в

скорую неприязнь. Он направил
повреждённый конец меча в лицо второго
воина.

- Действительно ли таков или лишь
прикидываешься? -- Астартес шагнул
вперёд, оскалив зубы, и

потребовал ответа. -- Это ты принёс
меня сюда? Я уже сражался с отрогьями
варна и побеждал! И

сделаю это вновь!

- Я не... понимаю... -- Кровавый Ангел в
белых доспехах поднял руки. -- Ты поднял на
меня клинок?

Зачем?

- Что за демон совратил тебя? -- равкнул

Рафен. -- Отвечай!

Аптекарий потряс головой.

- То, что ты говоришь, это просто
бесстылица! -- он с трудом поднялся на
ноги, сердито глядя на

Рафена, силы возвращались к нему. -- Ты
обвиняешь меня в соучастии, -- Ангел вновь
потряс головой. --

Эти... эти твари... я таково никогда не
видел. Они -- воплощения ада, - неожиданно
воин затолчал и

поблгнул. -- Примарх... он всё ещё течёт
во мне.

Внезапно сломанный меч Рафена оказался
у его шеи.

- Тогда, возможно, мне следует
прикончить тебя.

- Ты совершишь такое? -- на лице
аптекария промелькнуло выражение
полнейшего отвращения. --

Астартес, убивающий Астартес? Брат
против брата? -- он покачал головой. --
Возможно, что это ты

испорченный лжец! -- Ангел выхватил
ценной топор и повысил голос. -- Когда я
пришёл на помощь тебе

против призраков из песка, то не
сомневался в твоей чести! Рафен, у
фантомов было твоё лицо! Но я не
убил тебя из-за этого!

Долгую секунду Ангел колебался на грани
затаха оружием для удара, а затем
расслабился и шагнул
назад.

- Я не знаю, кто ты, - сказал он. Рафен
отвернулся и пошёл прочь.

Мерос следовал за ним, а что ещё он мог
сделать?

Когда-то, во времена, когда он ещё не
возвысился и не стал Кровавым Ангелом,
когда он ещё был

ребёнком, ещё был человеком, Мерос
услышал безумного старого провидца,
говорившего о тёмных

силах и местах за гранью понимания
людей. Это случилось так давно, что
почти всё забылось. Прошлую

жизнь сгладили монументальные
перемены, сделавшие Мероса одним из
лучших воинов Императора, и остались
лишь впечатления.

Но их было достаточно, чтобы сейчас
воспоминания вернулись, чтобы аптекарий
вспомнил страх в

глазах старика. «Варн -- море душ, - так
он говорил, - В нём всё может возникнуть
и сгинуть. Всё

изменчиво, кровь и время подобны песку...»
Подобны песку...

Мерос шёл за Рафеном, следовал за ним
по подветренной стороне крутой дюны,
постоянно жужжащая

пыль налетала на аптекария, вырывая из
зуб и ноздрей ту влагу, которую осталось.
Даже мигательные

перепонки на глазах слипались от
налетевшего песка, заставляя Ангела
моргать и тереть лицо. Его рука

покраснела от истолчённых останков.
Мерос тяжело шагал за другим Кровавым
Ангелом, и было

слышно лишь гул скрученных мускульных
связок их силовых доспехов.

Он добрался до вершины гряды и
обнаружил, что Рафен стоит как
истукан. Мерос остановился и
проследил за взглядом другого воителя,
всё выше и выше.

Ангелы стояли у подножия остроконечной
горы, шпиля из красного камня, тянущегося
к облакам
ныли...

Но это не было горой. Никогда не было.
Удали глаза могли бы обмануть, ключья
формы и образа бы
сложились в то, что можно было
ожидать.

Но на них опустило взор откровение.

Рафен и Мерос стояли у подножия
великой статуи, изваяния, которое было
крупнее самого высокого

титана: основание погребено в красном
песке, а вершина видна в тени багрового
солнца.

- Мой повелитель, - выдохнул Рафен,

опускаясь на одно колено. То же самое
сделал и Мерос, но, в
отличие от грубого Ангела, не
отвернулся.

Аптекарий смотрел вверх. Он видел, как
скалистые отроги превращаются в
массивную мантию, которая
заканчивалась капюшоном и точёными
линиями бесконечно благородного лица.

Патрицианское, сверкающее великолепие
облика Сангвиния смотрело на них как на
суде, скрестив
руки на груди, а могучие крылья свисали с
плеч словно плащ.

- Как это может быть здесь? - прошептал
Мерос.

- И где это здесь? - ответил вопросом
Ангел. - Боюсь, что я знаю. Это место --
смерть.

А потом Мерос увидел блеск золота и
поднял руку, чтобы на него показать.

- Кто это?

Рафен поднял глаза и увидел воителя в
золотых доспехах. Он стоял на гряде в

нижней части массивной

статуи-горы, резной линии, изображающей складку мантии припарха. Впервые Рафен ясно его увидел.

Вокруг прекрасно лицевой маски застыл идеальный круг широкого железного ореола. Замысловато

выполненный доспех из золота и меди придавал фигуре тусклый облик, подобный

церемониальному облачению великого магистра, но за плечами лорда Данте был двигатель мощного

прыжкового ранца, а у этого воина росли крылья из сверкающей белой стали, блестящие ярко-красным

в лучах раздутьего солнца. Широкие ленты обетных свитков свисали с пояса и развевались на ветру.

- Нет, - Рафен видел всё ясно, но всё же никак не мог поверить. - Ты легенда, - прошептал он. -

Иллюзия.

- Кто осмелился претендовать на величие

нашего притарха? -- в словах аптекаря
Рафен слышал такое
же изумление. -- Никто не имеет права
носить золото.

- Сангвинор, - вырвалось у Кровавого
Ангела. Рафен много раз слышал истории
о золотом хранителе, доклады о битвах
столь древних, столь далёких, что они
казались лишь сказками вроде фольклора
кочевых Племян Крови Баала Секундус. Он
слышал об этом, но никогда не верил по-
настоящему.

В галактике было много странных
зрелищ, много неизвестных истин, и перед
их лицом Рафен прожил
свою жизнь без доверчивости. Этому его
научил покойный Корис. Видеть ясно,
оспаривать всё.

История о Сангвиноре всегда оставалась
для Ангела лишь историей. Сказанием,
которое самые старые

ветераны рассказывают в перерывах
между битвами, легендой, что укрепляет
волю. Метафорой чести

и отваги.

И всё же теперь он стоял перед Рафеном. В историях говорили о воплощении всего доброго и

благородного в душе ордена, бессмертной силе чистоты, что дарует своё благословение воинам, сражающимся в самых безнадежных битвах. О золотом ангеле возмездия, что сходит с небес в час величайшей нужды. О непреклонном вечном воителе.

Рафен никогда по-настоящему не верил, ведь он сражался на острие копья в войнах, что потрясли

столпы истории Кровавых Ангелов, и никогда не видел лица легенды. И встреча с ней сейчас, здесь, вызвала в сержанте порыв внезапной ярости. Он шагнул вперёд и набрал в лёгкие воздуха, чтобы закричать.

- Чего ты хочешь? -- возопил Рафен, чей голос разнёсли постоянные ветра, чтобы эхот отразить от

горного склона. -- Это твой суг? Покажи

лицо!!! Я больше не потерплю иллюзий!

Откройся! -- он

вскинул оружие и прицелился. -- Или мне
пролить твою кровь, чтобы увидеть
истину?

Мерос увидел, как Рафен поднимает
пистолет, и ощутил внезапный прилив
адреналина. Силэт в

золотом мог значить только одно, быть
лишь одним существом -- предписания IX
Легиона Астартес

запрещали облачаться в такие доспехи
всем, кроме самого примарха и его личной
гвардии. Это мог

быть лишь Повелитель Крови, сам
Великий Ангел, и перед лицом аптекаря
воин по имени Рафен

наводил на него оружие.

Мерос бросился вперёд и схватил
сержанта за руку, отводя её в сторону.

- Что ты творишь? -- рявкнул Ангел. -- Ты
снял? Ты остелелся достать
огнестрельное оружие в
присутствии примарха?

- Примарха? - Рафен повернулся к нему и резко оттолкнул аптекаря. - Что бы ты здесь не видел, это

не Сангвиний, найди его Свет Императора! В лучшем случае эхо, тень величия, выпущенная в миг смерти!

Слова Ангела падали словно град камней, их сила, уверенность, били Мероса словно настоящие удары.

- Что ты сказал? - прошептал аптекарь. Мгновение спустя он уже вцепился в злотку Рафена и затряс

его, свирепо глядя в глаза. - Он не мёртв! Примарх не мёртв, как смеешь ты говорить такую ложь! Я

видел своими глазами, как он шагает по полю брани на Мельхиоре. И слышал, как его голос зовёт меня

в бой!

Аптекаря переполнял гнев и стяжение, он не мог даже представить, что на Кровавого Ангела нашло, раз он говорит такую глупость.

Рафен боролся.

- Тогда либо тебя забрал Гнев, либо ты
лживый глупец! Мой припарх пролежал
мёртвым десять тысяч
лет и сгинул...

- Неправда! -- растущий гнев Мероса
сорвался с цепи, и в ответ на вырвавшуюся
из рта Рафена

невероятную ложь он ударил. И попал,
выбив ржавый болт-пистолет из рук воина.
Оружие покатилося

по склону дюны и исчезло в песчаной буре.

Несмотря на цепкий, палящий жар
внезапный холод окатил аптекаря, когда
к нему пришло

понимание.

- Ты... -- он показал пальцем на лицо
Рафена. -- Тебя нет. И никогда не было! Ты
-- яд, пожирающий

мозг! Ты -- отравка искателя души!

В это был ужасный смысл, за
десятилетия службы в медицинских
корпусах легиона Мерос слишком

хорошо узнал, что тёмные эльдары были

мастерами токсинов, а их жестокость проявлялась в

неторопливом, разрушающем разум воздействием порченого оружия. Всё, всё вокруг -- Рафен, песчаные

фантомы и призраки плоти, гора, пустыня и золотой силуэт -- всё это было галлюцинациями.

Он был не здесь, а где-то в другом месте, возможно, всё ещё истекал кровью на Нартабе Октус, пока

его разум был пойман в тюрьму видений.

Но Мерос не собирался утирать без боя.

С рёвом аптекарий обрушился на него: ветхий болтер на спине забыт, а сыплющий искрами цепной

топор зажат в руках. Рафен поймал взгляд глаз воина и по опыту узнал цвет бешенства. Он встретил

кружащиеся слотанные зубья треснувшим лезвием меча. Разбитые клинки тёрлись друг от друга, разбрызгивая крошечные искры, металл был и трещал, когда они жгли друг друга.

А они были ровней. Клинки встречались
вновь и вновь, каждый раз встречая
защиту, каждый раз

оставляя лишь трещины и порезы, никогда
не доходявшие до кости, всегда
недостаточно глубоко, чтобы калечить.

В бесконечной буре под неподвижным
красным солнцем они бились часами,
перемещались взад и

вперёд, теснили и отступали, и
стерпелый танец всё никак не
заканчивался. Атака и парирование, финт
и удар, блок и продвижение. Каждая боевая
схема встречала свою противоположность
и

отражалась обратно на агрессора.

Густой, хитический пот тёк из
биозменённых желез и смешивался с
запёкшейся кровью. Воющий

ветер хором подпевал напряжённому
дыханию, стук и лязг меча и топора,
которые сходились, расходились и вновь
встречались. Жар и боль навалились на
Ангелов, лишая их сил.

- Почему... - сквозь потрескавшиеся губы спросил аптекарий, когда их клинки сцепились в сотый раз, -

почему ты не оставишь меня? Тебе меня не убить...

- Твои слова, - задохнулся Рафен, - мои мысли, лживый...

- Тебе меня не одолеть! - закричал в ответ Ангел. - Твои слова не значат ничего! Ты -- ложь, ты тьма в

моей крови! Я -- Мерос, Кровавый Ангел, Сын Сангвиния, и я отрицаю тебя!

- Мерос? -- имя словно резануло ножом по сердцу Рафена.

Внезапно воин раскрылся, опустив сломанный меч, но аптекарий не ударил.

Он высоко держал цепной топор, опасаясь подвоха.

- Что это за коварство? -- спросил Ангел, усталый и разгневанный в равной мере.

- Это имя вырвано из моих мыслей? Теперь мой разум обратился против меня? -- он обернулся и

закричал золотой фигуре, которая не

покинула своего места наблюдений. Воины
ударил в грудь
кулаком.

- Я знаю Мероса! -- закричал сержант. -- Я
знаю его здесь!

Рафен прижал эфес сломанного меча к
грудине, к тому самому месту, где глубоко
внутри плоть его

торса таилась живая прогеноидная
железа. Прогеноиды, сложный сгусток
генетического материала, были
наследием бесчисленных когорт Кровавых
Ангелов, изъятых в миг смерти и вновь
имплантированным в тела нового
поколения. Они были самым драгоценным
наследством ордена, живыми
источниками генетической памяти,
передаваемой от брата к брату, дабы
Сыны Сангвиния
жили вечно.

Таков был и имплантированный в плоть
Рафена прогеноид, и для Ангела было
честью хранить его -- как
до самой смерти это делали воины,

которые до него носили имплантат.
Рафен знал имена всех -
каждого Кровавого Ангела за более чем
десять тысячелетий.

Одним из них было имя Мероса.
Антекария, известного и прославленного
воина, который бился в
самый чёрный час в истории
человечества: гражданскую войну,
известную как Ересь Гора.

Он потряс головой.

- Это... это невозможно! -- Это не могло
быть реальностью в этом месте
заблуждений и трагических

кошмаров. Рафен пытался понять. Но его
венам уже текла жгучая кровь -- так она
уничтожит Ангела, извертит его разум,
распутает самую суть сержанта, цепляясь
за нити его истории?

- Ты не можешь здесь быть, - он повысил
голос и обернулся к Меросу.

Но другой Кровавый Ангел не слушал, ибо
его демоны -- и Рафена -- выступили из
бурь, чтобы вновь

напасть.

Они пришли и принесли с собой ночь.

Над красной пустыней словно никогда не
сверкало багровое солнце, теперь здесь
было лишь

угольно-чёрное небо, покрытое шрамами
холодных звёзд, а наблюдатель на
огромной скульптуре

скрылся во мраке безучастных,
неприветливых серебристых теней.

Яг напал, ленточные твари вились
вокруг, разрывая кожу. Доспех... его доспех
внезапно исчез, и

теперь аптекарий сражался лишь в
служебном облачении, запятнанном кровью
и тёмными пятнами

пота. Полуденный зной исчез, сменился
пробирающим до костей морозом, который
вытягивал

энергию.

Мерос бился пилотопором, забыв на время
о вопросах к Рафену. Каждый раз промах,
каждый удар

проходит мимо, однако его призраки

каждый раз били идеально точно.

Нески пытались его убить.

Рафен погнул руки, чтобы прикрыть лицо, когда из песков вырвался ураган.

Нахлынули тьма и холод, словно сержанта бросили в ледяное озеро. Отстранённо он заметил, что неподъёмный вес доспехов

вдруг прекратил тянуть его вниз. Ангел чувствовал лишь боль от кружащихся песчинок, что разрывали

одежду и обдирали плоть.

Он не задумывался о происходящих изменениях. В этом нереальном месте

Рафену оставалось лишь

цепляться за знакомые настоящие вещи и притягивать их к себе.

Сломанный меч в руке повернулся и пронёсся сквозь воздух, не сделав ничего.

Песчаная буря извергла

Ангела со звуком, похожим на хохот и треск камней, настехаясь над оступившимся сержантом.

Призраки метнулись прочь, играя с аптекарием. Мерос шатаясь поднялся с

колен и убил рядом

Рафена. Он протянул ему руку и помог встать. Кровавый Ангел встретился взглядом с сержантом.

- Теперь ты убьёшь меня? Или позволишь им это сделать?

- Теперь я понимаю, - ответил Рафен, кивнув в сторону безмолвного наблюдателя в золотом. -- Мерос, ты не видишь? Здесь мы и наши демоны. Но одиночке они нас убьют.

За плечом сержанта пески приняли облик чудовищного Астармес в доспехах, дикого, отвратительного.

Он двинулся вперёд, подняв когтистые руки для удара. За Меросом ленты кожи сплелись в нечто, похожее на тёмного альдара -- оскалившегося инкуба с пустыми глазами. Оба существа стали

цельными, реальными. Смертоносными.

- Что есть линия крови? -- внезапно спросил Рафен. Эти слова были частью ритуала, он выучил их наизусть.

- Вечная связь братства, - сказал аптекарий, ответ пришёл к нему из ниоткуда. - Воля выжить после смерти.

Рафен взвесил в руке старый ржавый клинок.

- Родич, это моя воля, - сказал он и показал на топор в хватке Мероса, - а это твоя. Видишь?

На губах аптекария появилась улыбка.

- Да.

- Тогда в бой, - сказал другой Кровавый Ангел, - пусть он и может стать последним.

Он ринулся вперёд, выставив вперёд сломанный меч, бросился не на своего искажённого двойника, но на воплощение боли и горя яда Мероса.

В тот же миг начал двигаться и аптекарий -- понимание пришло к нему. Мерос затахнулся цепным топором на призрака с кричащим лицом Рафена, теля клинком в шею.

Меч и топор одновременно нашли свои

цели, каждый убил чужую немезиду, и в
безмолвии быстро
оборвались извращённые сны, тучавшие
Кровавых Ангелов.

- Это сделано, - сказал Мерос,
поворачиваясь, чтобы посмотреть на
Рафена. - Мы свободны. Брат.

Он протянул руку воину, а сержант
протянул свою...

...и время словно стало рекой, медленной и
тяжёлой.

Тьма приближалась, а пейзаж вокруг
начал расплываться и угасать, когда
исчезла уверенность, бывшая

фундаментом нереального места. Без
угрозы, которая делала её цельной и
придавала смысл, пустыня

рассыпалась. Статуя-гора стала дымом,
уносимым бесконечными ветрами.

Внезапно великий страх проник в грудь
Рафена и вцепился в оба сердца ледяными
когтями. Мерос

увидел его взгляд и выражение, что
вызывало вопрос.

- Рафен? Что не так?

Столь многое, родич. Рафен пытался сказать это вслух, но не мог сдвинуться.

Ангел застыл, плоть

игнорировала все команды, которые он давал. Столь многое не так. Если аптекарий действительно

был Меросом из Кровавых Ангелов, если он действительно был Астартес, от которого остались лишь

кости и прах в залах мёртвых Ваала, то не постижимым для сержанта образом этот человек жил в

другое время, в другом месте.

Месте до смерти Сангвиния. О, как славно жить в этот миг. И какой ужас грядёт.

Из всей точи, из последних сил Рафен пытался произнести предупреждение. Из его рта вырвалось

лишь одно, сдавленное слово. Проклятие.

- Гор...

Золото мерцало во тьме. Там была фигура в доспехах, и Мерос словно её не

бигел. Невероятно

медленно латная перчатка из меди и сияющего янтаря поднялась, чтобы приложить руку к

безмолвным губам неподвижной маски. Послание было недвусмысленным, приказ безошибочным.

Молчи.

Не замечая этого, аптекарий протянул руку, чтобы прикоснуться к плечу другого воина.

- Рафен? Мы победили... Что тебя тревожит?

Но этот миг прошёл, и пески превратились в кровь, утопившую обоих.

Прикосновение Багряного Рассвета открылся и выплеснул на плиты Зала Саркофагов парящий прилив алой жидкости.

Шатаясь, мокрый Рафен выбрался из золотой сферы и припал на одно колено. Он закашлялся и вырвал

дыхательные трубки из ноздрей, чтобы жадно и хрипло втянуть в воздух.

- Я... я жив...

- Действительно, - трачный голос
притянул взор. Сержант обнаружил, что
смотрит в пылающие глаза,
погмалкивающие его отвернуться. Силе
воли лорда Мефистона было почти
невозможно
сопротивляться.

Наконец, он отпустил Рафена, и воин
посмотрел на направляющие
приспособления вдоль рук, куда
были встроены многочисленные
проводники живой влаги.

- К... кровь...

- Её нет, - поведал ему Мефистон. --
Толика святой живой влаги
приарха вернулась на законное
место, в Красный Грааль. Баланс
восстановлен.

Рафен медленно поднимался на ноги, пока
кровавые сервиторы суетились, чтобы
очистить и
переосвятить древний саркофаг.

- Значит, моя миссия наконец-то

завершилась. Я боялся, что она меня погубит.

Нсайкер-лорд посмотрел вверх, на резные затенённые стёкла окон.

- Рафен, ты неделями висел на краю бездны смерти. Лемартес и многие другие верили, что ты сгинешь

и отправишься по правую руку Императора. Но ты вновь обманул судьбу, Мефистон вновь обратил на

свой зловещий взор Кровавого Ангела. -- Можно подумать, что ты благословен. Или проклят.

- Как будет угодно Императору, - Рафен выпрямился.

Нсайкер подошёл ближе.

- У меня вопрос, брат-сержант. Ты что-нибудь там видел?

- Ничего, - ложь сорвалась с языка прежде, чем сержант смог остановить себя. Он подумал о красных

песках, о золотом воителе, о родиче, мёртвом на протяжении тысячелетий. Теперь, когда он стоял в

месте камня и стали, пережитое казалось
Ангелу фантазией измученного разума.
Рука Рафена

блуждала по груди до места, где грелась
его прогеноидный имплантат
генетического семени. --

Я...спал. Ничего более.

- Возможно, - сказал псайкер. -- Написано,
что Великий Ангел обладал
могущественным псионическим
талантом. Говорили, что он читал
сердца и разумы своих воинов-сынов как
раскрытые страницы книги.

Что он предвидел свою смерть от рук
Архипредателя. Что даже покров времени
покорялся его воле, -

Мефистон кивнул. -- Сила Сангвиния
отдаётся в самой его крови. Мы знаем,
что это так даже спустя
десять тысяч лет.

Сержант наблюдал, как Повелитель
Смерти подходит к 'Прикосновению
Багряного Рассвета' и
невероятно нежно гладит его.

- Эти великие саркофаги, - продолжал
псайкер, - созданы по его замыслу. Они --
связь с его волей.

Можно подумать, что за столько веков
использования они впитали крошечную
частичку его вечной

силы, - он повернулся к Рафену. -- Брат-
сержант, ты понимаешь?

Истина всплыла, когда Рафен заговорил
вновь.

- Я видел нечто, - признался Ангел.

- И что же?

- Легенду, - прошептал Рафен.

- Открыть его, - приказал воин в золотом,
- немедленно.

- Милорд... -- попытался возразить брат-
сержант Кассиус, но одного резкого
взгляда было

достаточно, чтобы заставить его
утопнуть. -- Как пожелаете.

Он резко кивнул слугам легиона,
столпившимся по бокам 'Прикосновения
Багряного Рассвета', и они

начали по одному отгибать лепестки

сферы.

Тёмные багровые реки хлынули наружу, стекая в дренажные трубки. Свет люмосфер 'Тертии'

открыл внутри фигуру: мускулистое тело с бледной плотью и тяжёлым дыханием. С каждой

прошедшей секундой цвет возвращался.

Сарга заглянул внутрь.

- Рана затянулась. Я не вижу ни следов инфекции.

- А что с самим осколком? - спросил Кассиус.

- Уничтожен, - Сарга кивнул своим мыслям, - саркофаг расщепил его и очистил от всех следов организма. Он будет жить.

- Вытаскивайте его, - приказал воин в золотых доспехах.

Слуги исполнили приказ и направились, чтобы положить Кровавого Ангела на гравиносилки. Он

зашевелился и оттолкнул их, вставая сам и моргая от света.

- Мы... свободны... -- прошептал он.

Кассиус протянул ему свежий балахон.

- Мерос. Брат, ты как?

Он кивнул, - Я жив. Благодаря тебе.

- Похоже на то.

Мерос обернулся, чтобы увидеть, кто к нему обратился, и на его лице промелькнул шок.

- Ты...? -- но уже миг спустя аптекарий взял себя в руки. -- Простите. Золотой успех... Я думал, что

вы... Кто-то другой.

- Ты знаешь, кто я? -- воин был высок и блистал мастерски выполненным облачением Верховных

Сангвинарных Стражей -- преторианцев самого примарха. Тёмные волосы до плеч свисали на

латный воротник, обрамляя глинное благородное лицо.

- Ты Азкаэллон, - сказал Мерос, - носитель Клинка Энкартинэ и магистр знамён. Первый среди

Сангвинарной Стражи, - он встретился с ним взглядом. -- У чего ты хочешь от меня?

- Я пришёл посмотреть, умрёшь ли ты, - спокойно и степенно ответил Азкаэллон. - Я услышал о

твоей доблести на Нартабе Октус и захотел увидеть лицо боевого брата, который встретился с

такими обстоятельствами. С этими ранами я ожидал увидеть твою кончину... но похоже, что в

твоём сердце струится сила самого Великого Ангела.

Мерос слабо кивнул.

- Я ещё не утер. Сангвиний скажет мне, когда придёт время.

И в первый раз Азкаэллон показал тени эмоций: самую недолгую из улыбок.

- Ты выглядишь уверенным, - продолжил он.

- Мерос, скажи мне, как ты узнал, что это будет так? --

Азкаэллон кивнул на саркофаг. -- Ты видел... нечто, пока дремал?

Мерос вспомнил видения о красных песках, золотом воителе и родиче, которого не знал. Его рука

протянулась туда, где под плотью таилось прогеноидное генетическое семя.

- Мои собственные страхи воплотились, - наконец ответил он, - и теперь изгнаны навсегда.

- Так и должно быть, - сказал Азкаэллон, кивнув. - Отдыхай, Мерос, - он повернулся к Кассиулу и

остальным. -- Соберитесь с силами и готовьтесь к битве. В сей час мне пришли приказы примарха.

'Тертия' и тактическая группа Узнис встретятся с остальными кораблями нашего легиона.

- Какой флотилией? -- спросил Сарга.

Страж не озарил его своим взором, - Со всеми. Весь легион собирается для битвы и новой славы.

Мерос нахмурился. Подобное собрание Сынов Сангвиния было почти беспрецедентным. Должно

быть, дело великой важности, раз
примарх собирает на войну их всех.

- Куда мы направляемся? - спросил
аптекарий.

- Брат нашего повелителя, Магистр
Войны Гор Лунеркаль, дал нам задачу,
исполнить которую

могут лишь Кровавые Ангелы, - ответил
Сангвинарный Страж. - Мы должны
принести свет

Улпериута тират скопления Сигнус.

...